

Образ психопата

Я видел, как темная кровь текла изо рта Халмеа по простыне к той части ее тела, над которой находился Хад. Я не мог пошевелиться, и тогда Хад, поглядывая на меня с ухмылкой, начал вставать. Поднимаясь, он застегнул на своих брюках рубиновую пряжку. “Ну, разве она не милашка?” — сказал он. Что-то насвистывая, он напялил на себя красные замшевые ботинки. Халмеа тем временем отползла к стене...

Лари Мак-Мерти, Horseman, Pass By

За многие годы работы я уже привык к следующей ситуации. При первом знакомстве в ответ на вежливый вопрос о моей работе я кратко обрисовываю отличительные признаки психопата. Каждый раз, без исключений, кто-то из сидящих за столом принимает задумчивый вид и затем восклицает: “Боже, я думаю, что такой-то человек, должно быть...” или “Вы знаете, я никогда бы не подумал, но описанный вами человек — копия моего сводного брата”.

С подобной реакцией мне приходится сталкиваться не только в повседневном общении. Читатели часто звонят мне в лабораторию, чтобы рассказать о муже, ре-

бенке, работодателе или знакомом, чьи необъяснимые поступки на протяжении многих лет вызывают у них боль и страдания.

Ничто так не подтверждает потребность в подробных сведениях о психопатии, как жизненные истории, пронизанные разочарованием и отчаянием. Во всех трех рассказах, составляющих эту главу, передается то характерное чувство, когда вы знаете, что “что-то не так”, но не можете сказать, что именно. Они подготовят вас к тому, что я хочу рассказать вам в следующих главах.

Один из рассказов взят из жизни заключенных, среди которых проводилась большая часть исследований (поскольку в тюрьмах достаточно много психопатов и информацию, необходимую для их диагностирования, можно получить без особого труда).

Два других рассказа взяты из обычной жизни. Не все ведь психопаты сидят в тюрьмах. Родители, дети, супруги, любовники, сотрудники и другие несчастные жертвы во всех уголках мира ежеминутно пытаются справиться с вызванным психопатами хаосом и понять, что ими руководит. Многие из вас, прочитав эту главу, возможно, заметят тревожащее сходство между описанными здесь персонажами и людьми, которые превратили вашу жизнь в ад.

Рэй

В начале 1960-х годов, получив степень магистра психологии, я начал искать работу, чтобы прокормить свою новоиспеченную семью и оплатить следующий этап обучения. Не имея никакого опыта пребывания внутри тюрьмы, я оказался в должности единственного психолога в исправительном учреждении Британской Колумбии.

У меня не было ни опыта работы психологом, ни особого интереса к клинической психологии и криминалистике. Тюрьма строгого режима, расположенная неподалеку от Ванкувера, была заполнена преступниками, о которых я знал только то, что мог услышать по радио или

прочитать в газетах. Сказать, что я оказался на незнакомой территории, — значит ничего не сказать.

Я был абсолютно не готов к работе: ни учебной программы, ни мудрого наставника у меня не было. В первый день я встретился с тюремным надзирателем и представителями администрации. Все они были в форме, а у некоторых на поясе болтались дубинки. Это была тюрьма военного образца, поэтому мне тоже нужно было носить “форму”, в которую входили голубой блейзер, серые фланелевые брюки и черные туфли. Я попробовал убедить надзирателя в том, что этот наряд мне не нужен, но он все равно отправил меня снимать мерки.

Моя форма стала первым признаком того, что в тюрьме не все устроено так хорошо, как мне показалось с первого взгляда. Рукава куртки были чересчур короткими, штанины брюк были до смешного разной длины, а размеры туфель не совпадали. Последнее особенно удивило меня, потому что заключенный, снимавший с меня мерку, был крайне тщателен в своих действиях. Как он мог сделать две совершенно разные по размеру туфли после всех моих замечаний, было для меня загадкой. Возможно, он что-то хотел мне этим сказать.

Мой первый рабочий день был полон событий. Мне показали мой кабинет — огромное помещение на верхнем этаже тюрьмы. Он сильно отличался от той интимной и способствующей доверительным отношениям норки, на которую я рассчитывал. Я был изолирован от остального персонала. К тому же, чтобы попасть в кабинет, мне нужно было пройти через несколько постов. На стене над моим столом виднелась очень подозрительная красная кнопка. Охранники, которые, как и я сам, не представляли себе, что должен делать психолог в тюрьме, рассказали мне, что кнопка предназначена для чрезвычайных случаев и что если я воспользуюсь ею, помощь может прийти не сразу.

Мой предшественник оставил в кабинете небольшую библиотеку. В основном она состояла из сборников психологических тестов, таких как Тест чернильных пятен

Роршаха* и Тематический апперцепционный тест (ТАТ)**. Я кое-что о них знал, но никогда ими не пользовался, поэтому книги — одни из немногих предметов, которые выглядели знакомыми — только усилили мою уверенность в том, что я оказался в трудном положении.

Я был в кабинете уже больше часа, когда пришел мой первый “клиент”. Это был высокий, худощавый, темно-волосый мужчина лет за тридцать. Казалось, что воздух вокруг него звенел, а его взгляд был настолько прямым и настойчивым, что я невольно задумался, смотрел ли я кому-то в глаза раньше. Его глаза были неумолимы — он ни разу не отвел их, чтобы смягчить силу своего взгляда.

Не ожидая официального представления, заключенный — я буду называть его Рэй — начал разговор: “Эй, док, как дела? Слушай, у меня проблемы. Мне нужна твоя помощь. Мне действительно хотелось бы с тобой поговорить”.

* Тест чернильных пятен — проективная методика исследования личности, разработанная в 1921 году немецким психиатром Г. Роршахом. Стимульный материал состоит из десяти стандартных таблиц с черно-белыми и цветными симметричными аморфными (слабоструктурированными) изображениями (т.н. “пятна Роршаха”). Обследуемому предлагается ответить на вопрос о том, что изображено, на что это похоже. Ведется дословная запись всех высказываний обследуемого, учитываются время с момента предъявления таблицы до начала ответа, положение, в котором рассматривается изображение, а также любые особенности поведения. Завершается обследование опросом, который осуществляется экспериментатором по определенной схеме (уточнение деталей изображения, по которым возникли ассоциации и т.д.). — *Примеч. ред.*

** Тематический апперцепционный тест (*Thematic Apperception Test — ТАТ*) — проективная методика исследования личности, наряду с Тестом чернильных пятен Роршаха — одна из старейших и самых распространенных в мире. Разработана американцами Х. Морганом и Г. Мюрреем в 1935 году. Стимульный материал составляет стандартный набор из 31 таблицы: 30 черно-белых картин и одна пустая таблица, на которой обследуемый может вообразить любую картину. Таблицы, применяемые в настоящее время, — третья редакция ТАТ (1943). В использованных изображениях представлены относительно неопределенные ситуации, допускающие неоднозначную интерпретацию. В то же время каждый из рисунков обладает особой стимулирующей силой, провоцируя, например, агрессивные реакции или способствуя проявлению установок обследуемого в сфере семейных отношений. — *Примеч. ред.*

Вообразив себя настоящим психотерапевтом, я попросил его все рассказать. В ответ он достал нож и начал водить им перед моим носом, не переставая улыбаться и смотреть мне в глаза. Первой моей мыслью было нажать красную кнопку, которая была хорошо видна Рэю и назначение которой не оставляло сомнений. Возможно, потому, что я чувствовал, что он только проверял меня, или потому, что я знал, что от кнопки в случае реальной опасности большой пользы не будет, я воздержался.

Как только он понял, что я не буду нажимать кнопку, он объяснил, что собирался применить нож не против меня, а против другого заключенного, который пробовал приставать к его “петуху” (слово из тюремного жаргона, обозначающее пассивного участника гомосексуальной связи). Я не сразу понял, зачем он это говорит, но вскоре в моей голове появились догадки, что он просто хотел проверить, что я из себя представляю. Если бы я не рассказал об этом случае администрации, я нарушил бы строгое правило, обязывающее персонал докладывать о нахождении любого вида оружия. С другой стороны, я знал, что если я сдам его, по тюрьме пойдет слух, что мне нельзя доверять, и моя работа сильно осложнится. После завершения нашего сеанса, на котором он не один и не два, а много раз изложил свою “проблему”, я решил ничего не говорить о ноже надзирателю. К моему облегчению, он не зарезал другого заключенного. Но вскоре я понял, что попал в его ловушку: я показал, что буду смотреть сквозь пальцы на нарушение основополагающих тюремных правил во имя установления “профессиональных” отношений с заключенными.

Начиная с той первой встречи, Рэю удалось сделать все восемь месяцев, что я проработал в тюрьме, невыносимыми. Он постоянно занимал мое время и каждый раз пытался заставить меня сделать то, что ему было выгодно. Однажды он смог убедить меня в том, что из него вышел бы отличный повар (он чувствовал, что его призвание — кулинария, он собирался стать шеф-поваром после освобождения, у него были идеи, как улучшить процесс приготовления пищи в тюрьме, и т.д. и т.п.), — и я поддержал

его просьбу о переводе из машинного цеха (где он, скорее всего, и сделал нож). Я не подумал о том, что кухня была источником сахара, картофеля, фруктов и других ингредиентов, из которых можно получить самогон. Через несколько месяцев после этого перевода под половицей как раз в том месте, где стоял стол надзирателя, произошел мощный взрыв. Когда суматоха улеглась, мы обнаружили под полом хитроумный перегонный куб. Что-то пошло не так, и один из котлов взорвался. Ничего необычного в присутствии самогонного аппарата в тюрьме строгого режима не было, но то, что один из них был расположен прямо под стулом тюремного надзирателя, потрясло многих. Когда выяснилось, что инициатором этой затеи был Рэй, его на некоторое время посадили в одиночку.

Выйдя из карцера, Рэй зашел в мой кабинет как ни в чем не бывало и попросил перевести его из кухни в автомастерскую — он действительно верил в то, что у него есть сноровка, он знал, что ему надо готовить себя к выходу на свободу и что если бы у него было время попрактиковаться, он мог бы открыть на воле собственный магазин автозапчастей... Я помнил, к чему привел первый перевод, но в итоге Рэй все-таки одолел меня.

Вскоре я решил покинуть тюрьму, чтобы всерьез заняться за докторскую диссертацию, и за месяц до моего ухода Рэй почти уговорил меня, чтобы я спросил своего отца, подрядчика по кровельным работам, не смог бы тот предложить ему место и этим подкрепить ходатайство о досрочном освобождении. Когда я рассказал об этом некоторым тюремщикам, они не могли сдержать свой смех. Они хорошо знали Рэя, потому что когда-то тоже были втянуты в его махинации. Теперь они относились к нему скептически. Я почувствовал себя бессильным. Описание Рэя, услышанное мной из уст персонала, было более точным, чем мое собственное, хотя психологом здесь был я. Но за их плечами был многолетний опыт работы с подобными заключенными.

Рэю удавалось обвести вокруг пальца кого угодно. Его вранье было настолько убедительным, что могло обезоружить самых опытных и циничных тюремщиков. Когда я

его встретил, у него было богатое уголовное прошлое (как оказалось, и будущее): почти половина его взрослой жизни была отдана местам лишения свободы, и многие из его преступлений относились к насильственным. Тем не менее он убеждал меня и других более опытных служащих тюрьмы в своем стремлении к исправлению. Он доказывал, что его тяга к преступлениям была навсегда вытеснена страстным увлечением: кулинарией, механикой (можете продолжить сами). Он все время врал. Даже когда я находил в досье противоречащие его рассказам факты, Рэй ничуть не смущался. Он просто менял тему разговора. В конце концов я решил, что Рэй не самый лучший кандидат для работы в фирме моего отца, и отклонил его просьбу. За что и услышал в свой адрес несколько неприличных словечек.

Работая в тюрьме, я все еще выплачивал взносы за свой Ford 1958 года, который, честно говоря, не мог тогда себе позволить. Один из тюремщиков, который позже стал надзирателем, предложил мне поменять Ford на его Morris Minor 1950 года с условием, что он сам погасит всю сумму кредита. Я согласился и, так как мой новый автомобиль был не в лучшей форме, воспользовался привилегией, разрешающей персоналу отдавать свои автомобили в ремонт в тюремную автомастерскую, где, кстати, благодаря мне тогда и работал Рэй (хотя благодарности от него я так и не дождался). Машина была перекрашена, а двигатель и трансмиссия — перебраны.

Со всеми своими пожитками на крыше автомобиля и ребенком в фанерной кроватке на заднем сиденье мы с женой отправились в Онтарио. Первые неприятности ждали нас уже на выезде из Ванкувера: начал барахлить двигатель. Затем после нескольких не слишком крутых спусков закипел радиатор. Механик, к которому мы обратились за помощью, нашел в поплавковой камере карбюратора шарикоподшипники. Еще он показал, какой из радиаторных шлангов испорчен. Эти проблемы были быстро устранены, но следующая поломка, которую мы обнаружили, когда спускались с очередного холма, оказалась намного серьезнее. Педаль тормоза стала “мягкой”, а затем и совсем

провалилась, — мы оказались без тормозов, а спуск был действительно *долгим*. К счастью, на следующей станции обслуживания мы обнаружили неполадку: тормозной шланг был надрезан. Возможно, то, что Рэй работал в мастерской как раз тогда, когда чинили мою машину, было простым совпадением, но я не сомневаюсь, что благодаря тюремному “телеграфу” он знал о ее новом владельце.

В университете я готовился к защите диссертации на тему влияния наказания на способность к обучению и труду. Во время своих исследований я впервые столкнулся с литературой о психопатии. Тогда я уже почти перестал думать о Рэе, но обстоятельства заставили меня опять вспомнить о нем.

Первым моим местом работы после получения степени доктора философии стал Университет Британской Колумбии, который был расположен недалеко от того исправительного учреждения, где я работал несколькими годами ранее. В один из дней регистрационной недели я сидел за столом вместе с несколькими коллегами и записывал студентов на осенний семестр (компьютеров у нас тогда еще не было). И тут я услышал, что кто-то назвал мое имя. “Да, я был помощником д-ра Хаэра в исправительном заведении, когда он там работал. Что-то около года. Я делал за него всю бумажную работу и вводил в курс тюремной жизни. Естественно, он обсуждал со мной все тяжелые случаи. Мы отлично работали вместе”. Это был Рэй. Он стоял в соседней очереди.

Мой *помощник!* Надеюсь поставить его на место, я прервал его речь замечанием: “Неужели?” “Эй, док, как дела?” — даже глазом не моргнув, выпалил Рэй. Затем, не забыв сменить тему, он просто вернулся к своему разговору. Позже, когда я просмотрел его заявление, мне стало ясно, что предоставленные им копии дипломов были фальшивыми. К чести Рэя, он не записался ни на один из *моих* курсов.

Наверное, больше всего меня удивило то, что Рэй не утратил спокойствия и *после* того, как его обман раскрылся. Что было такого в психологическом портрете Рэя, что давало ему силу попиравать реальность, не терзаясь при этом угрызения-

ми совести? Как оказалось, все следующие двадцать пять лет исследований я посвятил поиску ответа на этот вопрос.

История Рэя спустя столько лет кажется мне занимательной. Чего я не могу сказать о случаях сотен других психопатов, которых мне с тех пор пришлось повидать.

Я работал в тюрьме уже несколько месяцев, когда администрация прислала ко мне заключенного, чтобы я провел с ним психологический тест. Этого требовала комиссия по досрочному освобождению. Он был осужден на шесть лет за убийство. Увидев, что в бумагах не хватает полного отчета о преступлении этого заключенного, я попросил его лично ознакомить меня с деталями дела. Он рассказал, что маленькая дочь его подруги долго плакала, поэтому он, услышав запах, с неохотой решил сменить ей пеленки. «Она обгадила мои руки, и я вышел из себя. Я поднял ее за ногу и ударил об стену», — сказал он с — это невероятно — улыбкой на лице. Меня потрясло беззаботное описание этого ужасного поступка, и я, подумав о своем младенце, выдворил заключенного из кабинета и отказался принимать его когда-либо еще.

Недавно я проверил досье этого человека. Он освобожден через год после того, как я ушел из тюрьмы, и был убит во время полицейской погони за оплошавшими грабителями банка. Тюремный психиатр поставил ему диагноз «психопат» и выступил против досрочного освобождения. Нельзя обвинять членов комиссии за то, что они проигнорировали заключение специалиста. В то время четких и проверенных методов диагностики психопатии не было. Прогнозирование поведения психопата тоже было далеко от совершенства. С тех пор ситуация сильно изменилась, и теперь любая комиссия по досрочному освобождению принимает во внимание факторы психопатии и наличия рецидивов, иначе она рискует совершить роковую ошибку.

Эльза и Дэн

Она встретила его в прачечной самообслуживания в Лондоне, где приходила в себя после бурного и утомительного развода. Она уже несколько раз видела его в

ЛИШЕННЫЕ СОВЕСТИ

этом месте, и когда они завели разговор, ей показалось, что она уже давно знает его. Он был открыт и дружелюбен, поэтому между ними сразу сложились хорошие отношения. С самого начала она считала его весельчаком.

Она была одинока. На улице было мрачно и сыро, и у нее не было ни одной знакомой души на восток от Атлантики. А фильмы и пьесы, которые шли в городе, она все пересмотрела.

“Ах, одиночество путешественника, — сочувственно промолвил Дэн за обедом. — Это самое плохое, что может быть”.

Доев десерт, он со смущением обнаружил, что забыл бумажник дома. Эльза с большой радостью заплатила за обед и с не меньшим удовольствием высидела двойной сеанс, хотя уже видела фильм несколькими днями ранее. В пабе за выпивкой он рассказал ей, что он переводчик при ООН и побывал во многих странах. По его словам, он как раз ждал нового назначения.

На той неделе они виделись четыре раза. На следующей у них было еще пять встреч. По словам Дэна, он жил в квартире на верхнем этаже где-то в Хэмпстеде. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы получить власть над Эльзой. К ее собственному удивлению, ей нравилось такое положение дел. Это противоречило ее натуре, но она и сама не могла сказать, как все произошло. И все-таки, что бы там ни было, после затянувшегося одиночества она опять зажила полноценной жизнью.

Однако были мелочи, необъяснимые и необсуждаемые, которые она старалась выбросить из головы. Он ни разу не пригласил ее к себе. Она ни разу не видела его друзей. Однажды вечером он принес картонную коробку с магнитофонами — еще запечатанную, только с завода. Через несколько дней она исчезла. Как-то раз, придя домой, Эльза обнаружила в углу комнаты три телевизора. “Это для друга”, — сказал он. Когда она хотела узнать больше, он просто пожимал плечами.

В первый раз, когда Дэн не явился на свидание, она с ужасом подумала, что его сбила машина, — он часто перебегал дорогу в неположенных местах.

Его не было три дня. Когда она пришла утром домой, он лежал в постели. От него так разлило тошнотворными духами и выдохшимся пивом, что ей чуть не стало плохо. Страх за его жизнь сменился новым для нее чувством: дикой и неуправляемой ревностью. “Ты где был? — закричала она. — Я так переживала. Где тебя носило?”

Когда он поднялся, у него был помятый вид. “Не спрашивай меня об этом, — огрызнулся он. — Я не скажу”.

“Что?”

“Куда я хожу, что я делаю и с кем я это делаю. Тебя это не касается. Не спрашивай”.

Он выглядел совершенно другим человеком. Позже Дэн взял себя в руки, стряхнул с себя сон и потянулся к ней. “Я знаю, что обидел тебя, — сказал он привычным для Эльзы голосом, — но отнесись к ревности как к насморку и подожди, пока она пройдет. И она действительно пройдет, моя крошка”. Своими сладкими речами он вернул ее доверие. И все же его слова о ревности показались ей очень странными. Она поняла, что еще никто и никогда не ставил под сомнение его слова.

Однажды вечером она беззаботно спросила его, не мог бы он выйти и купить ей на углу мороженое. Он не ответил. Подняв глаза, она увидела его перекошенное бешенством лицо. “Всегда получаешь то, что хочешь, не так ли? — она слышала неподдельную злобу в его голосе. — Чего бы ни пожелала наша маленькая Эльза, кто-то должен вскочить, побежать и принести ей это, да?”

“Ты шутишь? Я совсем не такая. О чем ты говоришь?”

Он поднялся со стула и вышел. Больше она его не видела.

Близнецы

В день тридцатилетия своих дочерей-близнецов Хелен и Стив оглядывались на прошлое со смешанными чувствами.

Каждый прилив гордости за достижения Эриэл омрачался ужасными воспоминаниями о непредсказуемых, обычно разрушительных и часто разорительных поступках Алис. Хотя сестры были разнойцовыми близнецами, внешне они были поразительно похожи. Однако их характеры отличались как день и ночь (скорее даже, как небеса и ад).

Спустя три десятилетия различие между ними стало особенно ощутимым. Неделей раньше Эриэл позвонила и поделилась хорошей новостью: руководители фирмы дали ей ясно понять, что если она не сбавит оборотов, то через четыре-пять лет они обязательно примут ее в свои ряды. Звонок от Алис, точнее, ее психолога, не вызвал радости. Алис и еще один пациент покинули реабилитационный центр ночью, и ее не было уже два дня. В последний раз Алис объявилась на Аляске, голодная и без гроша в кармане. Родители давно сблизись со счета, пытаясь вспомнить, сколько раз им приходилось высылать деньги и организовывать возвращение Алис.

Ни одна из неприятностей, которые были у Эриэл, не выходила за рамки разумного. Если что-то не получалось, она сердилась, особенно в подростковые годы. В школе она пробовала сигареты и марихуану. На втором курсе Эриэл бросила колледж, потому что считала, что у нее не хватает способностей. Проработав год на производстве, она решила поступить в юридическую школу, и с тех пор уже ничто не могло остановить ее. Она отдавала все силы учебе и строила амбициозные планы. Она воплотила в жизнь идею организации в школе собственного периодического издания — “Юридического обозрения”. Эриэл окончила школу с отличием и после первого же собеседования устроилась на работу.

С Алис же всегда было *“что-то не так”*. Обе девочки были маленькими красавицами, но Хелен поражало то, что уже в три-четыре года Алис знала, как использовать внешность и свойственную детям притягательность себе во благо. Иногда Хелен казалось, что Алис умеет флиртовать (в присутствии мужчин девочка начинала важничать), хотя мама сильно корила себя за такие мысли о маленькой дочке. Она почувствовала себя еще больше

виноватой, когда нашла во дворе задушенного котенка, подаренного девочкам кухиной. Сердце Эриэл было разбито. Слезы же Алис казались наигранными. Как ни старалась Хелен прогнать эту мысль, ей казалось, что Алис была каким-то образом причастна к смерти котенка.

Сестры ссорились, но и здесь было “что-то не так”. Эриэл *всегда* защищалась, а Алис *всегда* нападала, и, казалось, получала особое удовольствие, если ей удавалось чем-то насолить сестре. Все испытали огромное облегчение, когда Алис в семнадцать лет ушла из дому, по крайней мере, Эриэл могла жить спокойно. Вскоре стало ясно, что Алис пристрастилась к наркотикам. Теперь она не просто была непредсказуемой, импульсивной и неуправляемой — она попала в зависимость от своей вредной привычки и, чтобы добыть деньги на наркотики, не останавливалась ни перед чем, включая воровство и проституцию. Оплата залога и программы лечения (десять тысяч долларов за три недели в дорогой клинике Нью-Гемпшира) пробила большую брешь в семейном бюджете. “Я рад, что хоть *кто-то* в этой семье может за себя заплатить”, — говорил Стив, слыша хорошие новости от Эриэл. Одно время он всерьез размышлял над тем, сколько раз еще ему придется вытаскивать Алис из тюрьмы. В конце концов, разве не она, а не он и Хелен, должна была отвечать за свои поступки?

Хелен непоколебимо стояла на своем: никто из ее детей не проведет и ночи в тюрьме (Алис побывала там уже несколько раз, но Хелен старалась об этом не вспоминать), пока она сможет выплачивать залог. Встал вопрос об ответственности: Хелен безоговорочно верила в то, что она и Стив допустили ошибку в воспитании Алис, хотя за тридцать лет размышлений она ее так и не выявила. Возможно, причина находилась на бессознательном уровне: может, она недостаточно радовалась, когда узнала, что у нее будет двойня. Может быть, она неосознанно уделяла Алис меньше внимания, ведь в первое время после рождения она была покрепче Эриэл. Возможно, настаивая на том, чтобы близняшки одевались по-разному, ходили в разные танце-

важные школы и отдыхали в разных летних лагерях, они со Стивом “запустили” синдром Джекила и Хайда***.

Может быть... Но Хелен не верила в это. Разве не все родители ошибаются? Разве не все родители хотя бы временно больше внимания уделяют одному ребенку, обделяя другого? Разве не все родители радуются, когда их дети преодолевают жизненные невзгоды? Все это так, но ведь не в каждой семье растет своя Алис. Пытаясь найти ответы, Хелен обратилась к детству девочек. Она понаблюдала за другими семьями и заметила, что даже у некоторых безответственных и несправедливых родителей растут уравновешенные дети. Хелен знала, что из семей, где царит жестокость, часто выходят проблемные, если не сказать взвинченные до предела дети, но она понимала и то, что, несмотря на все их ошибки, ее и Стива никак нельзя было отнести к категории таких родителей.

Итак, тридцатилетие девочек вызвало у Хелен и Стива смешанные чувства: благодарность за то, что обе они были здоровы, радость за профессиональные успехи Эриэл и давно знакомое беспокойство о местонахождении и благополучии Алис. Но, наверное, главным чувством, с которым эта семейная пара поднимала бокалы в день рождения дочерей, была горечь из-за того, что по прошествии стольких лет ничего так и не изменилось. На дворе XX век. Они должны были знать, как все можно исправить. Уже существовали препараты от депрессии, методы контроля фобий, однако никто из несметного числа врачей, психиатров, психологов, медицинских консультантов и работников социальной сферы, которые на протяжении многих лет изучали Алис, так и не смог дать хоть какое-то объяснение, не говоря уже о лечении. Никто даже не мог с уверенностью сказать, что она душевнобольная. Через тридцать лет Хелен и Стив переглянулись и задали друг другу немой вопрос: “Она больна? Или у нее просто дурной характер?”

*** Названо по имени персонажей повести Р. Л. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” — рассказа о том, как внутри добропорядочного доктора Джекила жил ужасный мистер Хайд; время от времени мистер Хайд выходил наружу и творил ужасные вещи, а однажды доктору Джекилу не удалось загнать его внутрь. — *Примеч. ред.*